

— Да, кстати, эти жемчужины излучают такое спокойствие, мы могли бы отослать часть из них брату Таману, — внезапно вспомнила Кето и произнесла это как бы невзначай.

— Таману? — переспросил Загрей.

Подумав, что Загрей не знает, кто такой Таман, Кето пояснила:

— Таман — мой брат. Он владеет Божественным Доменом морских чудес, всё то необычайное, что ты видишь в океане, находится в сфере его ведения.

Форкий подхватил слова Кето и продолжил:

— Таман — нежное Божество, но когда прежде отец сражался с Тефидой, отголоски битвы случайно задела его, что привело к повреждению божественного семени.

— Повреждение божественного семени! — воскликнул Загрей.

Божественное семя — это основа любого Божества! Божество может лишиться ноги, руки, головы или даже мелочей, но оно ни в коем случае не может лишиться божественного семени. Когда оно повреждено, даже малейшая царапина причиняет боль, подобную пытке тысячей клинков.

Форкий, глядя на жемчуг в своих руках, произнес:

— Раз у этих жемчужин есть сила приносить Божествам покой, я хочу отдать часть Таману, чтобы ему стало легче. Видеть его страдающее лицо — мучение для нас самих.

Кето тоже с тревогой посмотрела на жемчужины в своих руках. Поколебавшись, она сказала:

— Загрей, ты сначала постарайся создать побольше жемчужин, а когда состояние брата Тамана стабилизируется, отдашь их мне! — С этими словами она передала все жемчужины Форкию и отвернулась, словно желая не видеть их, но её беспокойные руки выдавали её волнение.

Загрей спросил:

— Матушка, как вы думаете, сколько примерно жемчужин нужно, чтобы дядя Таман обрел покой?

Кето помедлила, покачала головой и ответила:

— Не знаю. В конце концов, мы видим эту жемчужину впервые, и нам неведомо, сколько их потребуется брату Таману.

Форкий добавил:

— То, что они помогут — несомненно, но каков будет эффект, неизвестно. Возможно, понадобится очень, очень много!

Услышав слова Форкия, Загрей подошел к жемчужной раковине, влил в её тело божественную силу и изо всех сил стал побуждать её производить жемчуг.

Жемчужная раковина, подчиняясь приказу своего создателя, тут же принялась старательно порождать жемчужины. Вскоре она произвела несколько тысяч штук.

Божественная сила Загрея истощилась, и его лицо стало бледным.

Увидев побледневшего сына, Кето с болью в сердце воскликнула:

— Зачем ты так?! Мы ведь еще не знаем, будет ли эффект. Не стоило тебе так изнурять себя, вся божественная сила исчерпана. Это принесет тебе массу неудобств в дальнейшем.

Видя бледность Загрея, Форкий тоже ощутил укол жалости. Ему хотелось отчитать сына, но, вспомнив, что тот пошел на такие жертвы ради семьи — семьи, с которой даже толком не успел встретиться — упрекающие слова застряли у него в горле.

На самом деле, для Загрея это была всего лишь капля божественной силы. Если это поможет оставить хорошее впечатление у Тамана, то оно того стоило. Истощение божественной силы не оставляет последствий, просто какое-то время нельзя будет использовать её для того, чтобы поднять какой-нибудь предмет, да и перед лицом врага не сможешь дать отпор.

Но не стоит забывать, кто он такой. Он — Божество, к тому же о нем есть кому позаботиться. Он — Первородный бог, и если у других Божеств нет проблем с головой, никто не станет на него нападать. Что касается магических зверей, то благодаря Жемчужине Двойной Звезды ни один зверь не будет докучать ему. Так что, если не случится ничего непредвиденного, он в безопасности. А если возникнет угроза, с которой он, будучи новорожденным Божеством, не справится, то всё равно придется начинать всё сначала.

Это самое начало в буквальном смысле: он — Первородный бог, а главная черта Первородных богов — бессмертие. Он является воплощением законов мира, и пока в мире существует понятие жемчуга, он не умрет, а будет возрождаться из этого понятия.

В этом мире найдется мало Божеств, способных заставить его начать сначала, а возможно, таких и вовсе нет. Он никогда не слышал, чтобы кто-то мог лишить другого Божество его

первозданной основы. Если бы такое Божество существовало, весь мир уже давно лежал бы у него в кармане, зачем ему тогда нападать на маленького Бога Жемчуга?

К тому же, Таман — брат его родителей, а не его собственный, поэтому в будущем не факт, что он сможет помочь. В конце концов, если у тебя нет того, что нужно другому, почему он должен тебе помогать? Именно поэтому Загрей хотел проявить свою ценность, показать себя другим Божествам.

Это можно назвать стратегией: чтобы что-то получить, нужно сначала что-то отдать. Этот принцип Загрей понимал отлично. К тому же, он показал родителям свою верность и привязанность — качество, которое в мире Хаоса встречается редко, что сразу выделило его среди других.

Как только божественная сила Загрея иссякла, жемчужная раковина рядом с ним, казалось, тоже потратила все свои жизненные силы. Её черная, как тушь, оболочка слегка побледнела, а мерцающий звездный свет исчез.

Видя состояние раковины, Морская Опасность Кето, помедлив, не удержалась и спросила:

— Дитя мое, это созданное тобой существо, сможет ли оно самостоятельно создавать жемчуг?

Загрей кивнул и ответил:

— Оно, как и я, слишком много потратило сил, поэтому так выглядит. Через пару сотен лет оно придет в норму.

— Пару сотен лет? — переспросила Кето. — Пару сотен лет не будет производить жемчуг, а только восстанавливаться?

— Да, пару сотен лет не будет жемчуга, — подтвердил Загрей.

Услышав это, Кето засомневалась. Её взгляд, обращенный к раковине, был полон жалости. У неё был способ исцелить раковину: достаточно было отдать ту частицу первозданной силы, которую ей даровал отец — Понт. Хоть этой частицы и не хватило бы, чтобы сделать раковину Божеством, для восстановления её сил было более чем достаточно, она даже могла стать еще лучше!

Изначально эта частица предназначалась Загрею, но теперь, когда он стал Божеством, она стала бесполезной. Однако даже бесполезная вещь остается ценной, ведь это была частица силы одного из древнейших Божеств.

Но и жемчуг, который дарит красоту, был ей очень нужен. А что касается сына — он ведь только что создал столько жемчужин, в ближайшее время она его точно беспокоить не будет,

так что вся надежда оставалась на раковину.

Подумав об этом, страсть богини к красоте победила рассудок. Она отдала частицу силы раковине, и та начала преображаться.

Её бледная оболочка стала еще белее, но не мертвенно-бледной, а ослепительно белой, сияющей, от которой невозможно было отвести взгляд.

<http://bllate.org/book/22042/2291882>